

П. В. Филимонова

Омск, Россия

**СМЫСЛООБРАЗУЮЩАЯ ФУНКЦИЯ
«СНА ДЕТСКИХ ДНЕЙ» В «СКАЗОЧКЕ» М. Н. МУРАВЬЕВА
«БЕДСТВЕННОЕ МГНОВЕНИЕ»**

Анализируется семантика сна или грез в структуре стихотворного произведения М. Н. Муравьева «Бедственное мгновение. Сказочка» (1776). При анализе текста выделяются отличительные черты главного героя, доказывается его близость природной стихии; подчеркивается смыслообразующая роль сна и связанной с ним категории двоемирия в итоговом определении авторской морали. Доказывается близость «сказочки» жанру притчи, рассматривается православная символика текста. Мотивы испытания и внутреннего выбора, обусловленные духовными противоречиями действующих лиц «сказочки», рассматриваются как центральные мотивы произведения.

Ключевые слова: сказка, притча, сон, грезы, духовный наставник, выбор.

Произведение Михаила Никитича Муравьева «Бедственное мгновение. Сказочка» (1776) написано в стихотворной форме, но по содержанию представляет собой небольшую законченную историю с завязкой («В деревне мальчик рос...»), кульминацией (явление пастушки), развязкой (похищение стада) и итоговой авторской моралью. Автор и сам подчеркивает особый характер этого стихотворного текста, помещая в подзаголовке свое определение жанра – «сказочка». Надо сказать, что жанр авторской сказки уже разрабатывался до этого старшими современниками Муравьева. К нему обращались А. П. Сумароков («Сказки»), следующий традиции Сумарокова В. И. Майков («Нравоучительные басни и сказки»), М. М. Херасков («Бахариана, или неизвестный. Волшебная повесть, почерпнутая из русских сказок»). Таким образом, Муравьев является продолжателем заложенной ранее традиции и задает установку на дидактический характер своего текста.

Авторское определение жанра – «сказочка» – с помощью уменьшительно-ласкательного суффикса -очк-, входящего в состав слова, подчеркивает такую отличительную сторону произведения, как его небольшой размер (71 строка, составляющая одну строфу). Небольшой объем определяет некоторые особенности тек-

Филимонова Полина Владимировна – кандидат филологических наук, библиотекарь отдела Универсальный читальный зал Омской государственной областной научной библиотеки имени А. С. Пушкина (ул. Красный путь, 11, Омск, 644099, Россия, P_Filimonova@mail.ru)

ста: схематичная система персонажей, в тексте их всего трое: пастух Олеша, богатый Фирс, которому служит юноша, и привидевшаяся Олеше пастушка. Черты характеров персонажей также достаточно схематичны и условны: сиротство, удивительные сила, умение и внутренняя красота Олеша; доброта и богатство Фирса; молодость и красота девушки.

Некоторую условность придает тексту и используемое в нем имя «Фирс» – производное от греческого слова «гирсос» – «вакхический жезл, увитый плющом и виноградом, который носили во время праздников» [1, с. 326]. Выступая в роли богатого покровителя сироты, этот персонаж связан с самым светлым и легким периодом жизни Олеша.

В то же время автор подчеркивает исключительность главного героя «сказочки» – Олеша – по сравнению с другими жителями деревни, используя для характеристики юноши диалектную и просторечную лексику, которая также органично подходит для описания сельского топоса произведения:

Он правил плуг, коня он укрощал,
На легком челноке пускался он в погоду,
Не унывал ни в чем
И ничего не баивался сроду
[2, с. 163].

Юноша становится частью природной стихии. Выделяет Олешу недюжинная сила, храбрость, крепкий ум («разум в нем блистал»), горячее сердце («два глаза огненных»), преданность выполнению своего долга («Олеша не сомкнет, овцы не унести») в сочетании с невинностью и безродностью.

Кульминацией текста служит «сон детских дней», отсылающий к идиллическому для юноши времени. Образный ряд сна характерен для предромантической эпохи. Он неразрывно соотнесен с поэтизацией прошлого, что в целом характерно для русской поэзии конца XVIII – начала XIX века (Г. Р. Державин «Соловей во сне», 1797; М. М. Херасков «Прошедшее», 1806; В. А. Жуковский «Сон», 1816). Во время отдыха через испытание Олеша осознает свое предназначение – помогать находить нужный жизненный путь («выходить на дорогу»), но при этом сохранять духовную силу и стойкость. Наяву предназначение Олеша подтверждается его пастушьям ремеслом.

Осознание предназначения происходит через центральный для полусонного – дремотного – состояния пастуха и всего произведения мотив испытания. То ли во сне, то ли наяву Олеше является прекрасная пастушка, которая выступает в роли жертвы и в то же время становится невольной искусительницей, вынуждая пастуха отвлечься от исполнения возложенного на него долга. Испытание обусловлено сложными духовными противоречиями действующих лиц «сказочки» и включает три эпизода борьбы – внутреннего выбора. Фирс одновременно любит своего воспитанника и именье, в нем борются материальное и духовное. В душе Олеша разворачивается борьба чувства и долга. Противостояние взаимоисключающих друг друга обязательств отвлекает юношу от исполнения своих прямых обязанностей: детские воспоминания и необходимость помочь пастушке становятся важнее, чем сохранение стада. Мотив троичности испытания характерен для мировой литературы в целом. Каждое испытание по отдельности и их совокупность определяют переломный момент содержания произведения – разорение стада, следствием которого стал гнев Фирса, обрушившийся на Олешу.

Отсутствие у героев достаточного количества психологических характеристик; ситуация трехкратного этического выбора; несоблюдение запрета, которое влечет за собой нарушение привычного хода вещей; назидание, следующее в конце,

сближает «сказочку» с жанром притчи (см. жанровую градацию В. И. Тютюпы) [3, с. 57–69].

Близость «сказочки» к притче определяет то, что образы Олеша-пастуха и девушка приобретают значение православных символов и встраиваются в общую систему символов произведения: Олеша – пастух, поводырь, духовный наставник, «символ духовного лидерства», пасущий овец (паству) и спасающий девушку от тьмы (порабощения пороками, греховностью), обязанный вывести ее на дорогу (вернуть на правильный жизненный путь) [4, с. 268]. Исследовательница Саськова замечает по этому поводу, что в пасторальном творчестве Муравьева соединяются «высокая притча с подсветкой евангельскими ассоциациями и басня с ее бытовой предметностью» [5, с. 13].

Отдых-полусон служит проводником из реального мира в мир сна, грез, мечты, он становится способом передачи воспоминания, указания на слабость Олеша, на потерю стойкости перед внешними испытаниями в результате погружения в иную реальность, на помутнение рассудка. Мотив грез и связанная с ним уязвимость персонажа вводятся после своеобразного вступления в «сказочку», описывающего «невинность», «благообразность» и бесстрашие Олеша, его взаимоотношения с Фирсом. Тоска по детству («сердце у него тоскою сладко ныло») и пригрезившаяся пастушка помогают развенчать образ бесстрашного юноши, которому все по плечу, найти в нем слабые стороны, апеллируют к неидеальной человеческой природе Олеша, не к рассудочному, а к чувственному сознанию:

Ты сжался надо мной
И покажи, куда мне выйти на дорогу
[2, с. 164].

Поддавшись наваждению, пастух забывает о своих прямых обязанностях, но в то же время обращение именно к чувственной стороне способствует тому, что в полусне Олеша осознает свое назначение быть духовным наставником, проводником заблудшей души во тьме, что созвучно его роду занятий в действительности. Эта миссия подчеркивается с помощью символа дороги – жизненного пути, с которого сбилась девушка, застигнутая тьмой в лесу. Тресиддер замечает, что одной из символических интерпретаций выхода из леса служит «достижение знания о мире взрослых или о самом себе», а тьма (только в сопоставлении со светом, к которому стремится выйти пастушка!), становится символом «смерти, греха, невежества, зла» [4, с. 381]. Олеша вспоминает прошлое и в грезах видит девушку (в настоящем), которая исчезает, как только проходит наваждение – границы хронотопа размываются, что создает характерную для сна временную дихотомию и двоимирие. Олеша как духовный наставник может помочь преодолеть духовное несовершенство, а как человек, борющийся с пороками, и тот, чей разум находится в пограничном состоянии, между сном и явью, – может сам совершить проступок, что и происходит. Рассудок Олеша помрачен – он теряет стадо, а значит, и функцию духовного наставника.

Пастушка, пришедшая к Олеше то ли во сне, то ли наяву, вводит в «сказочку» еще один образ, развитый в фольклорной традиции, а позднее и в русской классической литературе, – образ медведя, пугающего девушку («Три медведя», «Маша и медведь»; А. С. Пушкин «Евгений Онегин»). Медведь у славян – священное животное, «настоящее имя медведя было запрещено произносить» [6, с. 124]. Этот зверь наделяется близкими человеку качествами и служит тотемным животным человеческого рода, обладающим как силой и выносливостью, так и жестокостью. Юную пастушку пугает именно медвежья жестокость. Таким образом, упоминание о медведе, который может «выйти из берлоги», подчеркивает враж-

P. V. Filimonova

Omsk, Russian Federation

**SEMANTIC FUNCTION OF «DREAM OF CHILDREN'S DAY»
IN THE M. N. MURAVYOV'S «TALE»
«THE PLIGHT MOMENT»**

The article analyzes the semantics of sleep or dreams in the structure of poetry 'plight momentarily' «Fairy Tale» (1776) by M. N. Muravyev. The analysis highlights the works of the semantic role of sleep in the final determination of the author's morals. It proved the closeness of «fairy tales» genre parable. Motives for testing and internal selection, due to the spiritual conflict of «tales» of persons considered as the central motif of the text.

Keywords: fairy tale, a parable, sleep, dreams, the spiritual mentor, choice.

Filimonova Polina V. – Candidate of Philology, Librarian of the Department Universal Reading Room of the Omsk State Regional Scientific Library named after Pushkin (11 Krasnyi Put' Str., Omsk 644099, Russian Federation, P_Filimonova@mail.ru)